

(ПП: Во времена династии Северная Сун существовали стандарты приема иностранных гостей «один бокал вина к двум блюдам». Означает, что на каждый выпитый бокал вина будет подано два новых блюда.)

Ледяная арена была готова — не хватало лишь последнего и самого важного: людей. Тогда Тан Шоу написал письмо и отправил его в Дунцзин. Когда Цзинь Цзиньчэн получил весть, он нахмурился.

— Господин, что там от семьи Сюн? — встревоженно спросил его охранник, заметив мрачное выражение лица. — Неужели с делами что-то не так? Вы что, опять поссорились? Это плохо. Мы ведь только-только успеваем доставлять партию зубных благовоний — чуть что, и будет перебой, а если до ушей этих молодых господ и барышень дойдёт, что у нас со снабжением проблемы... боюсь, ворвутся сюда толпой.

Цзинь Цзиньчэн фыркнул:

— Вы что, мыши, все такие пугливые? И что вас так напугали какие-то две девицы?! Да даже если сама старая госпожа из дома Чжоу или старая госпожа из семьи Фэн придёт — и те мне ничего не сделают. Всё равно придётся уважительно со мной говорить.

Охранник смущённо пробормотал:

— Так-то да, сами господа — ничего. А вот эти две барышни... — он поёжился от одной только мысли. — Спасибо не всем такие попадаются, а то я бы уж лучше на шуангэре женился, чем с такой маленькой госпожой дом делить...

— Жалкое зрелище, — презрительно бросил Цзинь Цзиньчэн, швырнул письмо на письменный стол, закинул руки за голову и вытянулся, положив ногу на ногу. — Опять этот фулан из семьи Сюн что-то придумал. Теперь зовёт меня в Синхуа поразвлечься. Причём не одного — просит взять с собой ещё и друзей.

Он покачал головой:

— Деревня-то маленькая, затхлая, затрапезная, я там был уже не раз. И каждый раз — ну что там может быть весёлого?

— Господин, но если сам Сюн-фулан прислал письмо и так настойчиво зовёт, — с удивительной убеждённостью сказал охранник, — значит, точно придумал что-то особенное. Вон, зубные благовония, пирожные, многослойные стельки — ведь тоже он придумал. До него про такое никто и не слышал!

Цзинь Цзиньчэн рассмеялся:

— Слушай, у тебя к нему просто какое-то слепое доверие.

— Ладно, — махнул он рукой, — ты можешь не уговаривать. Я и так собирался ехать. Раз уж сам Сюн-фулан письмо прислал — не откликнуться было бы невежливо. К тому же... если честно, мне и самому интересно, что он там придумал. Я дома уже закисаю от скуки.

На самом же деле, у Цзинь Цзиньчэна была своя задумка. Дорога до деревни длинная и скучная, и чтобы развеять однообразие, он нарочно распустил слух, будто молодой господин из семьи Мэн тоже собирается в Синхуа. Как только об этом узнали мисс из семей Чжоу и Фэн, тут же начали настаивать на том, чтобы их взяли с собой. Их родные, мечтающие выдать дочерей за кого-нибудь из семьи Мэн, сделали вид, что ничего не замечают, и спокойно отпустили их "на прогулку".

Так девушки присоединились к поездке.

По пути в Синхуа, Мэн Ю, сидевший верхом, оглянулся на следовавшие за ним изысканные кареты и почувствовал, что будущее безрадостно. Всё происходящее казалось ему тяжёлым и бессмысленным.

— Брат Цзинь, ты ведь просто звал меня развеяться. Зачем ты потащил за собой ещё и их?

История о том, как достойные мисс Чжоу и мисс Фэн подрались за него у магазина с зубными благовониями, давно стала в столице предметом обсуждения. И если бы он хотя бы к одной из них проявлял интерес, это можно было бы считать красивой романтической историей. Но он не испытывал симпатии ни к одной, и теперь лишь старался избегать их, как змей и скорпионов.

А Цзинь Цзиньчэн, прекрасно это зная, всё равно передал им весть. Он будто нарочно устроил ему ловушку.

— Откуда мне было знать, что они поедут? — с притворной невинностью ответил Цзинь Цзиньчэн. — Просто, когда звал Чжоу и Фэна, упомянул, что ты тоже будешь. Кто же знал, что они прихватят своих сестёр?

Если бы в его голосе не звучало столько ехидства, Мэн Ю, может, и поверил бы.

С появлением девушек путешествие затянулось — теперь юные господа уже не могли скакать напролом, как привыкли, и путь, который можно было бы осилить за считанные дни, растянулся на все пять.

— Добро пожаловать, добро пожаловать! Проходите скорее! — с радостной улыбкой распахнул дверь Тан Шоу. Увидев, что приехали Цзинь Цзиньчэн и остальные, он буквально засветился,

как человек, увидевший золотую жилу — глаза заблестели, улыбка расплылась до ушей.

Девушки из домов Чжоу и Фэн были разодеты в пух и прах: наряды ослепительные, лица — тщательно накрашены, всё до мелочей. Но стоило им окинуть взглядом двор и обстановку — выражения на лицах тут же помрачнели. Ещё в дороге, поняв, что едут в глухую деревню, они начали жалеть о своём решении. Что тут может быть интересного? Грязно, убого, скучно. А еда... деревенскую пищу им даже вообразить было неприятно.

Мисс Фэн прикрыла нос и рот платочком, оставив на виду лишь пару больших выразительных глаз. Голос её звучал жеманно и недовольно:

— Брат Цзинь, это и есть то «интересное место», о котором ты говорил? По-моему, обычная захолустная деревенька. Тут что, охотничьи уголья есть?

Цзинь Цзиньчэн привёз всех сюда, чтобы поддержать репутацию семьи Сюн, а не для того, чтобы стать мишенью для претензий. Увидев, что барышня начала говорить чересчур резко, он поспешил сгладить ситуацию:

— Я ведь сразу говорил, что будет интересно — значит, так и есть. Но всё сразу раскрывать — неинтересно. Вещи по-настоящему захватывающие должны сохранять немного тайны.

На самом деле он и сам не до конца понимал, что это за «ледяная забава», о которой шла речь в письме от Тан Шоу, но само название звучало заманчиво.

Молодые господа изначально ехали с немалыми ожиданиями. Однако, оказавшись на месте и увидев местные реалии, не могли скрыть разочарования. Но, в отличие от девушек, они всё же были привычны к необходимости держать лицо. Тем более, им сразу бросилось в глаза, что Цзинь Цзиньчэн открыто поддерживает хозяина дома — к тому же, ведёт себя с этим деревенским шуаньэром подчеркнуто уважительно, даже чересчур для своей обычной высокомерной манеры. Это сразу дало понять: место и человек — не так просты, как кажутся. Поэтому вместо жалоб они прикусили язык, предпочтя отложить суждения.

Разбалованная с детства мисс Фэн никогда не нуждалась ни в учёбе, ни в понимании деловых тонкостей, как её братья. Её заботило лишь одно — личный комфорт. Все неудобства дороги и недовольство от деревенской обстановки она собиралась выместить на Тан Шоу.

Она уже приоткрыла рот, изящный палец с покрытым анилиновым лаком ногтем указал в его сторону — вот-вот начнёт язвить, как вдруг рядом пронёсся порыв ветра. Обернувшись, она заметила, как несколько прядей её бережно ухоженных, чёрных, густых волос плавно опустились на землю.

Её рука задрожала от ярости — это были волосы, которые она лелеяла не один год, добиваясь их блеска и густоты. И теперь они... просто отрезаны.

— Ты!.. — выдохнула она, уже собираясь выругаться, но, подняв глаза и взглянув на того, кто стоял перед ней, лишь пискнула и с громким плюхом села прямо на землю, будто ноги подкосились.

Мисс Фэн слыла в столице бесстрашной, её даже дразнили за дерзость и язык без костей. Но сейчас с ней случилось нечто странное — будто весь задор испарился в один миг. Остальные тоже подняли головы и увидели, что происходит, — и тут же невольно отступили назад, шумно втянув воздух.

Перед ними стоял человек — ростом не меньше восьми чи, широкоплечий и внушительный. Даже сквозь толстую стёганую одежду можно было представить, насколько мускулисто его тело. Казалось, он способен голыми руками уложить быка.

Черты лица у него были суровые, почти каменные — всё в нём дышало холодной отстранённостью. Но в данный момент в его глазах плескалось явное раздражение и вспышки скрытой ярости. И от этого он выглядел ещё более устрашающе.

На его фоне даже телохранители, сопровождавшие юных господ, казались просто мальчишками, играющими в войнушку с деревянными мечами.

Почему-то, глядя, как его старая «знакомая» в панике оседает на землю, Цзинь Цзиньчэн ощутил неожиданное удовлетворение. Когда-то при первой встрече он и сам был до смерти напуган Сюн Чжуаншанем, и то чувство до сих пор сидело где-то в глубине души. А теперь, увидев, как кто-то другой оказался в таком же положении — особенно тот, кто всегда вёл себя вызывающе — стало намного легче. Значит, дело не в том, что он струсил... Просто Сюн Чжуаншань и впрямь пугающий.

— Позвольте представить, — с нарочитой любезностью начал он. — Это хозяин здешнего дома, Сюн-эрлан. А рядом с ним — его супруг. — Цзинь Цзиньчэн сделал паузу и с лёгкой усмешкой добавил: — Сюн-эрлан только выглядит грозно, на деле человек он весьма приветливый.

Молодой господин Фэн, помогая своей сестре подняться, бросил взгляд на срезанные пряди. «Приветливый? — хмыкнул он про себя. — Кому ты такое рассказываешь?»

— Прошу прощения, — холодно произнёс Сюн Чжуаншань. — Рука соскользнула.

Соскользнула? Прямо у головы? А если бы попал не по волосам, а по самой голове?! Глядя на его огромный тесак, явно предназначенный не для овощей, даже отважная мисс Фэн сглотнула и пробормотала, явно сбавив тон:

— Ничего... ничего... Только... в следующий раз... поосторожней. А то вдруг и правда... пораните...

Сюн Чжуаншань ничего не ответил, просто повернулся и пошёл закрывать дверь. А Тан Шоу тем временем с улыбкой извинился и пригласил гостей в дом.

Никто не заметил, как стоявшая в стороне мисс Чжоу, несмотря на выражение страха на лице, смотрела на Сюн Чжуаншаня с каким-то странным блеском в глазах.

Все ожидали, что в доме будет ничуть не теплее, чем снаружи — всё же деревенское жильё, уголь дорогой, на отопление денег не напасёшься. Но стоило им войти внутрь, как навстречу хлынуло мягкое тепло. Холод, сковывавший плечи и руки, сразу отступил, как будто их завернули в тёплое одеяло.

— Это... кан? — удивлённо воскликнул молодой господин Мэн.

Глинобитные каны в Дунцзине появились совсем недавно. Одна такая лежанка, если хорошенько её протопить, сохраняла тепло почти всю ночь. Даже у них, у молодых господ, чтобы обустроить такую дома, приходилось ждать несколько дней своей очереди. И то — только потому, что они были близки с Цзинь Цзиньчэном. Сколько ещё людей стояло в списке позади, даже представить сложно. Если бы дело решалось исключительно деньгами, богатейшие семьи уже давно выкупили бы очередь за баснословную цену. Но дело тут было не в серебре — важнее оказалось чьё лицо стоит за заказом. А у семьи Цзинь с этим проблем не было.

Сейчас братьев Сюн в деревне не было, и Тан Шоу не хотел излишне привлекать к себе внимание, чтобы не создавать им лишних хлопот в столице. Поэтому не стал ни хвастаться, ни подчёркивать особенности.

— Господа, путь был долгим, садитесь скорее на кан, согрейтесь, — дружелюбно предложил он.

В такой обстановке уж не до церемоний. Гости рассадил по сторонам: две барышни устроились с краю, на самом тёплом месте, а молодые господа — справа. Между ними положили ватное одеяло — своего рода границу.

Цзинь Цзиньчэн, устроившись, обратился к хозяину:

— Сюн-фулан, мы в дороге тряслись не один день и толком ничего вкусного не ели. Пожалуйста, приготовьте что-нибудь.

Затем он повернулся к остальным:

— Вам сегодня повезло. Сюн-фулан готовит — пальчики оближешь. Даже если бы вы приехали сюда только ради этого обеда — уже стоило бы того.

Несмотря на слова Цзинь Цзиньчэна, юные господа и барышни из столицы вовсе не верили,

что кто-то из деревни способен приготовить нечто достойное. Им ведь доводилось есть и придворные блюда, изысканные до мелочей. Что уж может предложить простой сельский дом?

Но, взглянув на мрачную физиономию Сюн Чжуаншаня, никто не осмелился сказать это вслух. После сцены с мисс Фэн никому не хотелось проверять, насколько у него действительно вспыльчивый характер.

Тем временем Тан Шоу ушёл на кухню готовить еду. Вскоре за ним тихонько вышел и Цзинь Цзиньчэн. Поклонившись, он сказал:

— Сюн-фулан, не обижайтесь на недавнее — Мисс Фэн дома с детства балуют...

— Пустяки, — отмахнулся Тан Шоу. Он никогда не держал зла. Всё, что вызывает раздражение, пусть лучше компенсируется деньгами.

Цзинь Цзиньчэн выглядел слегка смущённым. После паузы он заговорил с некой неловкостью:

— Эти мои друзья... все из столицы. Гордые, избалованные. Может быть... можно было бы подать что-то... более изысканное? — и, не дожидаясь ответа, быстро добавил: — Я знаю, вы и из простых ингредиентов можете сотворить нечто выдающееся. Но мои друзья...

— Понимаю, — спокойно кивнул Тан Шоу. — Не беспокойся, всё будет на высшем уровне. Баранина подойдёт?

Цзинь Цзиньчэн довольно улыбнулся:

— Отлично.

Баранина — продукт, достойный знатного стола, особенно в кругах аристократии. А уж для деревни — тем более. Так что гости наверняка останутся довольны.

Раз уж Цзинь Цзиньчэн хотел устроить приём с размахом — Тан Шоу собирался исполнить это по полной: щедро, с шиком, с безупречной подачей. В памяти у него всплыл фрагмент из прочитанной когда-то книги, где описывался императорский банкет времён Сунской династии. Там было сказано: «на каждую поданную чашу вина приходится по два блюда».

Если на государственном уровне к каждой чаше подавали по два блюда, то для простой, но амбициозной деревенской трапезы достаточно будет одного блюда на чашу. Эффект элитности обеспечен.

Такой формат подачи как нельзя лучше подходил под стилистику западной кухни: порция за порцией, независимо от того, доели или нет — каждое новое блюдо сменяет предыдущее. Вина

у них не было, но нужный эффект «статуса» вполне можно было создать. Цзинь Цзиньчэн, как хозяин, определённо получит то «лицо», на которое рассчитывал.

Первая подача — аперитив. Если по-западному — закуска, возбуждающая аппетит. В классической версии — это что-то вроде икры, паштета из гусиной печени и прочего деликатеса. И хоть икры в их доме не было, в хозяйстве водились гуси. Убивать всех было ни к чему — хватит и двух.

И не стоит думать, будто этого мало. В западной подаче главное не объём, а изящество. Там на тарелке — одна ложка чего-то изысканного, и именно эта «скромность» и создаёт нужную «элитную» атмосферу. Чем меньше — тем утончённее, чем меньше — тем богаче выглядит.

Гусиная печень в приготовлении несложна: удалить плёнку и сосуды, натереть солью, сахаром, чёрным перцем. По правилам стоило бы добавить немного бренди, но в доме его не было, и Тан Шоу заменил на обычную рисовую водку. Идеально было бы выждать час, но времени в обрез, поэтому он ограничился временем одной благовонной палочки. Затем печень томили на слабом огне полчаса. Остудив, он нарезал её ломтиками — по четыре на порцию.

Чтобы тарелки не выглядели пустыми, он дополнительно отварил древесные грибы и дикие горные опята, аккуратно разложив их рядом — для баланса цвета и текстуры.

Даже простые лакированные деревянные тарелки с этой подачей мгновенно приобрели благородный, изысканный вид.

Ранее Тан Шоу уже просил Сюн Чжуаншаня сделать несколько подносов — теперь они пришлось как нельзя кстати. Сервировку несли вдвоём: два блюда за один заход, размеренно и торжественно.

Когда гусяная печень была поставлена перед гостями, юные господа смотрели на блюдо с немым изумлением. Они попросту не понимали, что это перед ними — огромная тарелка, а на ней всего четыре ломтика, напоминающих мясо. Такое впечатление, будто их завели в какую-то деревенскую «чёрную лавку», где под видом деликатеса подсовывают не пойми что.

Однако никто не осмелился спросить — ведь рядом всё ещё стоял Сюн Чжуаншань с таким видом, что любое неосторожное слово могло стать последним. Даже если их сейчас откровенно обдирают — придётся смириться. Единственное, что они смогли — это бросить вопросительные взгляды на Цзинь Цзиньчэна.

Тот почувствовал себя так, будто их взглядами в нём прожигают дыру. Откашлявшись, он повернулся к хозяину:

— Сюн-фулан, не скажете ли, какое значение у этого блюда? Можете ли рассказать нам подробнее?

Тан Шоу мягко улыбнулся:

— Все вы, полагаю, не раз слышали о дворцовых банкетах?

Цзинь Цзиньчэн слегка покраснел. Хотя они и были из знатных домов, но ещё слишком молоды, чтобы попадать на такие приёмы. Однако их старшие родственники действительно участвовали в подобных мероприятиях.

— Мы ещё молоды и сами не бывали, — ответил он. — Но старшие в наших семьях, конечно, имели честь.

Тан Шоу прекрасно понимал, что сам он опирается лишь на отрывочные знания о придворных традициях династии Сун. Культура в этом мире в целом напоминала историческую, но чтобы не ошибиться, он решил идти осторожно, наводящими вопросами:

— А слышали ли вы о требованиях к государственному банкету?

Это знал и Цзинь Цзиньчэн:

— «На каждую поданную чашу вина приходится по два блюда» — таков был приём для киданьских послов. Это очень высокий уровень почёта

Тан Шоу удовлетворённо улыбнулся:

— Верно. Приглашая иностранных послов, император действительно предписывал: «одна чаша вина — два блюда». Мы, конечно, не осмелимся сравнить себя с императорским пиром. Но вы, господа, прибыли издалека, будучи не только близкими друзьями господина из дома Цзинь, но и уважаемыми гостями в нашем доме. Поэтому, чтобы подчеркнуть моё к вам уважение, я использовал форму «одна чаша — одно блюдо».

Он сделал небольшую паузу, а затем с серьёзностью добавил:

— Всё-таки у вас нет официального статуса, и если это разойдётся по округе, может найтись кто-нибудь, кто решит донести до императора, будто вы ставите себя на одну ступень с императорскими приёмами. Так что я умышленно исключил вино — мы будем просто подавать блюда одно за другим. Так и ваш высокий статус подчеркнут, и никто не обвинит вас в гордыне или в попытке сравниться с государем.

На самом деле, вина в доме просто было мало — Тан Шоу боялся, что его банально не хватит на всех. Но благодаря его объяснению всё прозвучало как тщательно продуманный, дипломатичный жест. Каждый сидящий почувствовал, что о нём заботятся, что здесь их по-настоящему уважают.

А юные господа и вправду задумались: А ведь он прав... Если бы мы тут разыгрывали императорский пир с вином и помпой, а кто-нибудь донёс бы об этом — старшим в семье точно бы досталось. А так — всё аккуратно, с почтением к порядкам и престолу.

— Превосходно, превосходно! — Цзинь Цзиньчэн захлопал в ладоши, искренне восхищённый.

Остальные юные господа и барышни тоже остались довольны. Подача, подобная императорской, пусть и без вина, в их глазах уже была выражением особого статуса. Взгляды, обращённые на Тан Шоу, заметно изменились: он больше не казался просто деревенским шуаньэром — перед ними стоял человек с видением, с пониманием тонкости этикета и вкуса.

Первоначальная симпатия усилилась. А уж после дегустации паштета из гусиной печени — и вовсе превратилась в искреннее восхищение. Все хором стали нахваливать вкус. Даже самые придирчивые из всей компании — мисс Фэн и мисс Чжоу — одобрительно кивнули, стараясь есть аккуратно, ножом и вилкой, как учили. И только строгость этикета удерживала их от того, чтобы съесть и последние грибочки с тарелки.

Следующим блюдом был суп — наваристый бульон из говяжьих костей с добавлением дикорастущих грибов. В доме Тан Шоу мясных запасов хватало: уж кто-кто, а Сюн Чжуаншань, будто созданный из силы, без мяса жить не мог — стоило ему несколько дней не поесть мяса, как он чувствовал слабость во всём теле. Поэтому в земляном погребе у них хранилось множество мясных заготовок: говядина, свинина, а также козлятина — туши двух диких коз, которых Тан Шоу специально приберёг для угощения важных гостей из столицы.

А ещё в доме были и внутренности, и кости — всё, что местные обычно не брали, Тан Шоу просил Сюн Чжуаншаня покупать целиком. Оно и стоило дёшево, и, при правильном приготовлении, было вкусным. Местные этого не понимали, а он — умел.

Когда на стол подали говяжий грибной суп, никто уже не сомневался в таланте хозяина — все взяли ложки, не задав ни единого вопроса. Стоило попробовать — и вопросов уже не могло возникнуть. Белый, наваристый, насыщенный вкусом, этот бульон оказался лучше любого, что готовили повара в их домах. К счастью, подали его в маленьких чашках — а то наверняка бы кто-то выпил через край.

Третьим блюдом стал дополнительный гарнир. Тан Шоу поджарил яйцо с жидким желтком, а затем взял одну курицу, отделил грудку, обвалял в муке, поджарил до хрустящей корочки, приправил солью и чёрным перцем. Вкус оказался настолько притягательным, что юные гости чуть не забыли про манеры. Их буквально сразил аромат, и если бы не чувство приличия, они бы уже просили добавки.

Разумеется, так щедро накормить могли далеко не все в деревне. И хотя Сюн Чжуаншань до появления Тан Шоу не считался в Юйлине особенно богатым — скорее, средним по достатку — по меркам деревни его хозяйство уже тогда выглядело зажиточным. Двор с двадцатью свиньями и овцами, больше двух десятков домашней птицы... Это по-настоящему крепкий дом. Неудивительно, что предыдущий хозяин тела Тан Шоу, прожив у него всего одну ночь, на

следующий день прочно вцепился в Сюн Чжуаншаня, потащил в ямен и стал добиваться брака. Нынешний Тан Шоу считал семью Сюн Чжуаншаня бедной только потому, что смотрел на всё с точки зрения современного человека.

Четвёртым блюдом стало основное — поджаренные бараньи рёбрышки. Взятые с хребта филе, мягкое и сочное, было нарезано порционно, по две ляна мяса на каждого. Без лишних украшений — просто и достойно.

Пятое блюдо — овощное. В доме Сюн Чжуаншаня из зелени осталась только капуста, заготовленная ещё осенью. Тан Шоу приготовил её с чесночной заправкой, по принципу блюда «тушёная мини-китайская капуста с чесноком». Конечно, не такой изыск, как с настоящей «вава-цай», но для гостей, ни разу не пробовавших ничего подобного, вкус был впечатляющим. Особенно потому, что порция была крошечной — буквально на два укуса. А чем меньше — тем вкуснее, тем выше оценка.

Завершающим аккордом стало сладкое — кусочек сливочного торта. На каждого — всего две ложки. А ведь для этих молодых господ и барышень это было нечто почти легендарное: они много слышали, но ни разу не пробовали. И вот — реальность. Все до одного съели до последней крошки. Некоторые, хоть и сдержанно, но всё же намекали, не найдётся ли ещё... Тан Шоу сделал вид, что не понял, мягко увёл разговор. Ведь если бы еда была в избытке — она бы уже не считалась такой вкусной.

Последним пунктом стало питьё — не чай, как было бы по правилам, а тёплая вода с мёдом. В доме попросту не было чая, и Тан Шоу тут же решил, что в будущем обязательно надо приобрести немного — на случай приёма гостей.

И наконец — завершающий штрих: он подал им ложечку «зубного благовония» — той самой ароматной массы, что заменяла в его доме пасту. Каждый рассасывал её во рту, после чего полоскал рот водой, сплёвывая в закрытые кувшины у стены. Всё — с изысканной аккуратностью.

Эта трапеза произвела неизгладимое впечатление. Для приехавших из столицы юных господ и барышень это было как настоящее императорское пиршество. Всё — от подачи до деталей, от вкуса до атмосферы, от горячей лежанки до расстановки блюд — создавалось впечатление, будто они находятся не в сельском доме, а в личных покоях дворца.

Выдержка, стиль, внимание к деталям — всё это было на уровне.

Цзинь Цзиньчэн был в полном восторге. Он то и дело кивал с одобрением, держал спину прямо, не скрывая гордости. Восемь человек съели еды почти на пятьдесят лян серебра, но он даже не моргнул. А про себя ещё и мысленно поблагодарил Тан Шоу за то, что тот дал ему такую возможность показать себя — и сделать это красиво.

Тан Шоу тоже был доволен — такие "щедрое простачки" попадались нечасто. Настроение у него было отличное, и на этой волне он вновь «обработал» Цзинь Цзиньчэна, заставив того

раскошелиться ещё раз, даже не осознав, как именно.

<http://bllate.org/book/13592/1205375>